

/краткая биографическая справка/

Лев Влатонович Карсавин родился 13 декабря 1882 года в Петербурге, в семье балетмейстера. В 1901-06 гг. изучал историю в Петербурге, в 1910-12 гг. работал в архивах и библиотеках Франции и Италии. В 1913 году защитил магистерскую, в 1916 - докторскую диссертацию ("Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии") и был назначен профессором средневековой истории Петербургского университета. Получил степень доктора богословия в Петербургской академии.

После революции Карсавин перешел к историко-философской и философской тематике: "Метафизика любви", журн. "Русская мысль", 1918; "Saligia", Пг, "Наука и школа", 1919, "Введение в историю", Пг, 1920. В конце 1922 года вместе с большой группой русских интеллигентов был выслан за границу.

Сперва Карсавин обосновался в Берлине. Здесь он написал свои главные философские труды: "Философия истории", 1923; Джордано Бруно, 1923; "Диалоги", 1925; "О началах", 1925. В 1926 году переехал в Париж, где издал книги "Святые отцы и учителя Церкви", 1926 и "Церковь, личность и государство", 1927. В 1928 году Карсавин был приглашен в Лауэнский университет на кафедру всеобщей истории. Здесь он написал еще три философских сочинения /"Цери архон", 1928; "О личности", 1929; "Поэма о смерти", 1932/. Впоследствии сосредоточился на исторических вопросах и с 1931 года начал издавать многотомное сочинение "История европейской культуры", доведенное к 1940 году до XV века.

В 1940 году Карсавин вместе с университетом переселился в Вильнюс. После присоединения Литвы к СССР был отстранен от преподавательской деятельности и временно занимал пост директора Исторического музея Вильнюса. В конце 1947 года сослан на северный Урал, а в 1949 году переведен в Абезь /лагерь для инвалидов/. Здесь он в 1951-52 гг. написал ряд философских статей и сенатов, часть из которых опубликована. Умер от туберкулеза 12 июля 1952 года.

то же самое бытие и совершенствуется. Этого основоположенного данностью нашего опыта (не теорией! теории вырастают из нее, как ее самоуяснения) пренебрегать не имеет права физиолог, если он действительно хочет вполне, т.е. философски познать взаимодействие человека с окружающим его миром, а, не, хромая на обе ноги, то восхищаться целесообразностью и единством мира, то изучать искусственно изолированную, "элементаризованную" часть целого (мира) методами, достаточными лишь для изучения механического взаимодействия элементов сумми. Тем менее права у философствующего физиолога на подобную "беспринципность", что основоположная данность нашего опыта резко и четко ставит "принципиальный" вопрос: целесообразно ли и правильно ли изучать взаимодействие человека с миром исходя не из целого, всеединного человека, а из "элементаризируемой" части целого, из данного индивидуума и его окружения, искусственно изолируемых?

Как бы то ни было, проблема взаимодействия человека с миром является именно во второй, изолирующей форме, правда, без серьезных попыток философски это обосновать, но и не без некоторых, частью, впрочем, непознаваемых оснований. Познавая данного индивидуума в нем и чрез него и познаю "человека" вообще, в нем индивидуирующегося, а тем самым и любого индивидуума. С другой стороны, в нем познаю я и себя, исследую взаимодействие моего душевно-телесного существа с окружающим его миром, решаю, по признанию известного ученого, "мучительный вопрос" о взаимоотношении "души с телом", конечно, моей с моим. С таким "субъективным" характером (не вполне, как мы видели, удавшейся) изоляции индивидуума связан и основной вопрос о человеческом сознании.

Себя самого я познаю "из-внутри", непосредственно, путем самонаблюдения или интроспекций, отрицать значение которых для самопознания и всей философии может лишь тот, кто задачей психологии наивно считает измерение ощущений, исследование ассоциаций (еще вопрос, есть ли они на самом деле?) и т.п. частные вопросы, кто психологами признает не Бергсона, а Челпанова, не Достоевского и М.Пруста, а Л.

Толстого и Р. Роллана. Практически это самосознание индивидуума, душевно-телесного существа, ограничено не поддающейся четкому определению областью его телесности, срастившейся с телесностью других существ. В другом индивидууме человек предполагает "душу", самосознание, "я", не зная о уверенности, даже сомневаясь, воспринимает ли он когда чужую "душу" так же непосредственно, как свою. Философски несомненно, что индивидуальное "я", всегда оставалось и собой, сливается с другими индивидуальными "я" во всеединном "я" Человека-вообще. Но доказательство этого требует долгих рассуждений, адекватное же переживание — религиозно-этического подвига. Все что выходит за трудно уловимые пределы телесности и самое эту телесность, поскольку она до неразделимости сливается с чужой, индивидуум познает с помощью своих органов чувств, т.е. своего тела. Это не внешнее, как мы привыкли думать, восприятие, не (в отличие от внутреннего субъективного) "объективное", но субъективно-объективное, внутренне-внешнее. Ведь все познаваемое мною — с помощью органов чувств, т.е. моего же тела, — для меня прежде всего является (фактом моего сознания, моего души, моего самими. Из того, что в моем сознании или "душе" как его (ее) я нахожу (и — сразу!) много, скажем, "предметов" (не копий с них: тогда бы объективное бытие было непознаваемым) пространственно друг другу внешнеполных, явствует лишь одно, — ошибочность закоренелого, хотя недоказанного и недоказуемого противопоставления пространственно-множественного телесного бытия единой бестелесной, непространственной, непамятной (=невременной) душе. Отделимой от своего тела, от себя-тела, не выражающей себя во множестве, не многоединой и не пространственно-невременной "души" нет и быть не может. Как раз в анализе пространственности сознания, возводящем от конкретной пространственности (от так называемого, якобы содержащего в себе все вещи и наши тела "пространства") к более общим, отвлеченным пространственностям вплоть до логической (А не есть В) и до самораздвоения познающего себя на субъект и объект, в анализе "сампространствования"

сознания и находится начало пути к решению проблемы взаимоотношения "души" с ее телом. Необходимо только познать пространственность души так же сразу внутренне и внешне как мы познаем в себе как себя и субъект и объект самосознания, что невозможно при изоляции индивидуума. Препятствием к решению вопроса является то, что познавая содержание воспринимаемого с помощью органов чувств как свое сознание, я, вместе с тем, познаю за этим содержанием и несомненно для меня существующий, хотя и не поддающийся никакому определению иной, "второй" его субстрат или субъект, который от меня *grasso modo* не зависит (но ведь познание иного означает единство-двуединство с ним!), таким образом, во внутреннем восприятии оказывается выходящее за пределы его, вместе с ним за них выходящее за них внешнее, точнее внутренне-внешнее, субъективно-объективное. Достоверность его, очевидно, зависит от достоверности внутреннего. Но в нем нам непосредственно дано само объективное бытие, однако же — поскольку оно взаимодействует и сливается с нашей телесностью. Внешнее знание не может ничего сказать о том, что находится за этими границами и определить неопределимое, пока "я" не выйдет за свои пределы.

Сфера внешнего знания — взаимодействие телесно-вещного бытия с телом познающего. Этой сферы, предмета психофизиологии, никак не расширяет переименование психофизиологии в "объективную психологию", т.е. в науку о "душе" — субъекте без "души" — субъекта. Странная даже для философа забывчивость! Ему словно совсем неизвестно, что такое "внешнее", "объективное", воспринимаемое с помощью наших органов чувств, нашего тела, познание — внутри внутреннего, внутренне-внешнее. Было бы чудом из чудес, если бы известное нам (о неизвестном же можно говорить что угодно), воспринимаемое с помощью наших органов чувств бытие создавало то бытие, в котором существует само и вне, без которого ни существовать, ни возникнуть для нас не может.

Впрочем, возможно, что патристическому философу сообщила свой секрет та тетушка, которая сама себя за волосы

поднимала на вершок от земли.

Во всяком случае предположение будто тело индивидуума, момент или часть телесного бытия-процесса, так или иначе "сознает" сознание, "душу" индивидуума — наивно, протазоречно и неприменимо. Напротив, в наблюдениях, экспериментах и выводах неовиталистов, в частности Юскиля (автор превосходной общей биологии) много данных в пользу того, что живое существо, "душа", приспособляясь к окружающей среде, само себя телесно оформляет и превращает ее в свою *Umwelt*, или что оно является индивидуацией этой среды, поскольку она себя оформляет. Все это, само собой разумеется, несколько не уменьшает значение психофизиологии как специальной науки. Психофизиологи могут надеяться в конце концов получить довольно точную (несмотря на вносимые изолирующим моментом искажения) картину протекающего в индивидуальном организме телесного процесса при взаимодействии организма с окружающей его средой. Но решение вопросов о том, что такое сознание и каково отношение сознания, "души" к телу психофизиологам завершенно. Решение здесь невозможно без философии, которой, как и всякой науке, надо серьезно учиться, путем длительных упражнений приучая себя философски мыслить.

Х

Едва ли в настоящее время стоит опровергать мнение, что наш мир является случайно возникшее и хаотическое веществом-частиц их систем.

Наш мир представляет собой развивающееся органическое целое. В данный период своего самораскрытия мир достигает своего апогея как человечество, его момент, вместе с другими моментами (животным, растительным, вещным миром), взаимодействуя с ними, его индивидуализующий-актуализующий, что и есть его самоактуализация. Мир развивается, выражаясь точнее — стремится к своему совершенству, хотя опознать это может только в качестве человечества. Иными словами, мир

при всем своем несовершенстве целесообразен (его совершенство и есть его цель). Так что каждый момент, каждая индивидуация его является свидетельством самостановления-самоусовершенствования самого мира. Но именно как индивидуация мира всякий момент его есть в совершенстве своем собственная своя цель. Никакого внутреннего противоречия здесь нет, ибо всякий момент умирает, чтобы умирая жить другим и таким образом чрез умирающую жизнь (иной нет и быть не может) все становится всем и во всем.

Изложенное миропонимание, разумеется, индивидуально. Это вполне соответствует "природе" самого мира, который может быть понят лишь во множестве индивидуальных и потому ограниченных, но и взаимовосполняющих друг друга его понятий, каждое из которых является индивидуализацией истинного его образа, в частности своих неизбежно более или менее неполного или ошибочного и ограниченного, но по существу отрывающего самое истину.

Много пути нет. Так называемое "объективное миропонимание" не дает самого существенного, расплываясь в таких туманных и неуловимых общих понятиях как единство, множество, целое, часть, органичность, материя.

Благодаря сказанному выясняются опасности и недостатки изолирующего метода. Изолируется индивидуальное живое существо — практически собака (потому что все еще нельзя в таком же масштабе так же мучить и калечить людей) — вместе с непосредственно взаимодействующей с ним средой. Этим словно обрезаются нити, связывающего индивидуума с другими и чрез них с самым многоединным Человеком, что выражается утратой понимания его как "средства" и момента мирового процесса.

Правда, в себе и на свой лад осуществляя человечество, индивидуум остается самцелью. Но в отрыве от человечества и мира он не может определять, осознавать эту цель, и она сводится для него только к тому, что он существует ("как", "зачем" — можно понять только из целого). Протекающий между средой и индивидуумом процесс развития мира со всех

сторон урезывается (так обчищают от сучьев ствол дерева) и насильственно прерывается в нем, делая это своей целью, а себя стабилизуя хотя бы в форме незыблемого "закона", которому подчинены все другие индивидуумы (в данной или подобной обстановке). Понятие развития места не оспаривается. В то же время вырванная из целого мира по непосредственной связи с данным субъектом и произвольно изменяемая экспериментатором "среда" оказывается не обладающей и ничтожной долей органичности, которая осталась у соотношенного с ней индивидуума: она превращается в групу механически связуемых элементов и склоняет к подобному же пониманию и другого члена отношения — индивидуума, т.е. собака, а чрез нее и человека. Таким образом, процесс превращается в механическое взаимодействие двух агрегатов, в их "акции" и "реакции", "раздражения" и "рефлекс".

Таковы природные, предопределяющие материалистическую концепцию, а может быть — ее предопределение — тенденции изолирующего метода. Конечно, не все они осуществляются и от многих исследователей удается себя уберечь. С другой стороны, животно-телесное бытие является и вечным, материальным, а в сфере материального пространственно-разъединенного точно определенного-распределенного бытия необходимым и соответствующий его природе изолирующий метод исследования.

Ничего не достигнув переименованием себя в объективную психологию, психофизиологию сузила свои задачи: превратилась в свой отдел: в рефлексологию, которая, несмотря на прелесть для масс простоту концепции и метода, полна недоумков и переумков, неясностей и внутренних противоречий. Прежде всего неясно основное понятие теории. Что такое рефлекс? в расширительном истолковании его реформаторами психологии? является ли он реакцией на данное раздражение со стороны всего организма, или только его части, органа? По-видимому, второе бывает лишь в немногих случаях, а то и никогда. Так, вызываемый показываемым собаке куском мяса "рефлекс" не исчерпывается усиленным отделением слюны и желудочного сока, но выражается соответствующим

деятельности желей (а, может быть, даже вызывающих ее!) стремлением всего организма собаки насытиться, поддержать свою жизнь, (что в человеке обнаруживает себя как средство к высшей, хотя далеко не всегда всеми опознаваемой цели), подтверждается это целесообразностью, хотя и бессознательного рефлекса: в общем он целесообразен по отношению ко всему организму (впрочем, не безоговорочно). И снова встает вопрос: есть ли рефлекс необходимо, автоматически при данном раздражении возникающая реакция организма (было бы, конечно, лучше, да, к сожалению, не подтверждается фактами: "отдельного органа", — идеалом теоретика остается преселопутая лапка обезглавленной лягушки), так что сам организм оказывается безинициативной, пассивной средой, которая только специфически реагирует на разные "акции" внешней среды (лучше бы: в которой возникает не слияние друг с другом реакции-рефлексы)? Или же душевный-телесный организм — возьмем конкретный пример — сам "бессознательно", но целесообразно в стремлении поддержать свою жизнь ищет соответствующей пищи (ведь на поле даже собаки ищутся не только кусками мяса, которые суят им под нос) в среде, которая его окружает и которую он видоизменяет целесообразнее, чем калечащий его экспериментатор. В этом случае рефлекс — местная реакция пассивного организма на активность среды, а, по крайней мере, частично, — исходный и предопределенный организмом "разряд" его энергии (отчего бы и его не назвать "сигналом") по отношению ко всему организму, может быть, не столь уж нестерпимый. Мы с умом говорим о душевно-телесном существе — чтобы не было и места мнимой проблеме о какой-то чисто "духовной" душе.

Однако мысль о подобной душе неизбежно возникает, не устранима и в указании на "нервную деятельность" выходящую из фигового листа. Дело в том, что здесь мы вынуждены пользоваться такими отвлеченными понятиями как единство, целесообразность деятельности организма и т.п., телесного же субстрата или соответствия мы не находим, да такого телесного субстрата или соответствия в виде чего-либо подоб-

ного нервному центру, вероятно, и нет. При таких условиях более чем естественно, что возникает идея бесплотной души. А между тем, можно предположить, что абстрактно воспринимаемое нами единство живого существа, его деятельность и ее целесообразность суть явления того же порядка, что и единство человечества или мира.

Это единство, конечно, не обладает в объединенном им мире особым материальным субстратом или самовыражением, что было бы нецелесообразным, ибо не самообъединением, но объединением из-вне, из субстрата. Его источник, основание и конкретность — мир как целое, осуществляющийся жизнью-смертью и чрез нее "превращение" всякого момента мира в другое, так что всевременно-всепространственно все есть во всем.

Поэтому ничто не препятствует рефлексу быть реакцией всего организма, хотя и связан он только с нижним нервным центром. Связь рефлексов с нижними нервными центрами объясняется их "бессознательностью". Но здесь прежде всего необходимо устранить неясность понятий.

Бессознательного для нас быть не может — есть только неопознанное и опознаваемое сознательное. И деятельность высших центров, несомненно, связана с появлением не сознания (червяк сознает и без полушарий большого мозга), а познания себя (само-сознания-познания) и того, что находится в сознании. Произвольно и недоказуемо распространенное (между прочим, ~~выражающееся~~ определявшее и философствование Бергсона) мнение, что живое существо становится познающим ради лучшего отыскания пищи (хотя это и является одним из результатов развития познания).

Предполагающее разведением оставшегося и единым сознания ("души", "я") сперва на субъект и объект, потом в самой своей "объектности" познание ("познающее я") ставит себя выше своего сознания, "себя-как-сознания", спонтанного процесса (душа превосходит-преодолевает себя и становится познающим себя "я"). Таким образом, субъект, познающее себя сознание становится способным воздействовать на свое же спонтанно-целесообразное течение, в частности на любой свой рефлекс, их изменить, приостановить, "затормозить",

прекратить, сделать опознаваемо (=сознательно) целесообразным, а себя- свободным.

Все это и связано с деятельностью коркового вещества полушарий головного мозга, но еще и с деятельностью организма, которая вовсе не будучи духовной не обходится в отдельном органе, а осуществляет себя во взаимосвязи через жизнь-смерть моментов и через жизнь-смерть его, организма, как индивидуального целого в ряду других таких же организмов.

Если уже при исследовании простого рефлекса организм предстает как активное целесообразно действующее душевно-телесное существо, тем более при исследовании так называемого условного рефлекса. Живое существо воспринимает не только раздражение (собака-кусоч мяса), но и более или менее всю обстановку раздражения ¹⁾. Оно замечает сопровождающие раздражение-рефлексы изменения в обстановке, если таковые есть, и при повторности их они становятся для него "сигналом" раздражения или даже могут заменить его, сделаться "условным рефлексом". Но почему же вполне, казалось бы, понимавший целесообразную активность живого существа в данном случае, даже предполагавший переименовать так называемые рецепторы в анализаторы твердевший новой теорией считавшие описанные акты живого существа рефлексами, хотя бы и условными? Потому ли, что они совершаются при участии корковых центров, но "бессознательно", т.е. непознаваемо и автоматически? Но застегивание при одевании всяких пуговиц никто, пожалуй, рефлексом не назовет. Или же, как можно подозревать - здесь оказалась предопределенная исходной "сеченовской" установкой ²⁾ исследователя и, в частности, изолирующим методом материалистическая тенденция? Она обнару-

1) Не говоря уже о том, что может быть восприятие не суммируется из элементов, а, напротив, исходя из некоторого целого, дифференцирует, определяет его. Но существу дела явление условного рефлекса именно это и подтверждает.

2) "...первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна." См. Сеченов Ив. Мих. (1829-1905).

живает себя в настойчивом стремлении понять развитие сознания, а, вернее, материального его аналога (или уж неприкровенно метафизически: субстрата, источника, основания) как простое суммирование отдельных самостоятельных рефлексов безусловных и условных (1), что благодаря флуктуированию понятия рефлекса может многим казаться вероподобным. Однако и называя отдельные акты живого существа (более или менее, разумеется, провоцируемые средой) рефлексами, приходится учесть целесообразность всей его деятельности и признать просто нелепостью, чтобы брошенные за землю буквы случайно сами сложились в текст даже не Илиады, а хотя бы статьи по рефлексологии.

Принимая во внимание все сказанное, следует признать единственно приемлимым подтверждаемое и данными нашего опыта положение, что "сознание" живого существа развивается путем не суммирования, а дифференцирования ("саморазъединения"), не от множества к единству, а от единства к множеству, еще точнее — к многоединству.

Сосредоточившийся на изолированном моменте многоединства (для него, следовательно, элементе) естественно не видит не только многоединства, а и системы.

В этом отношении поучительны инстинкты (правда, впрочем, что станет индивид вне проблемы) животных, особенно, насекомых. Инстинкт представляет собой ряд, скажем, "рефлексов", так связанных друг с другом, что каждый, осуществляя свою собственную цель, вместе с тем, является средством для того, чтобы мог осуществить свою цель последующий. Все же "рефлексы" составляют один, не опознаваемый животным (бессознательный), как и они целесообразный, растянувшийся во времени многообразный акт, сложный рефлекс. Совершается он сам собою, автоматически, даже принуждая животное (принуждение вида?). Вопреки ныне оставленному мнению романтически восхищенных "бессознательной мудростью Природы", инстинкт иногда ошибается, способен видоизменяться и постепенно, как это можно показать, превращается в разумное познание. Во всяком случае, некоторые "ре-

флекс" ряда исчезают, некоторые возникают вновь. Достойно ли разумно рассуждающего человека хотя бы и во имя самой обольстительной и научнейшей теории утверждать, что инстинкты, создавшие общества пчел, муравьев, термитов, возникли путем случайного сцепления "рефлексов"? Ведь не станет же он в естественном отборе видеть целесообразную деятельность таинственной, отдаленной от нашей природы "Природы" или трансцендентного миру бытия, особенно, если и нам это не представляется необходимым.

Итак, различая эти определения душевно-телесного существа (животного, человека) мы противопоставляем понимание его как многоединства, в коем всякий момент чрез оное жизнь-смерть становится (и стало быть есть оно), а чрез него и всеми другими его моментами (во всевременности всегда и есть они). Телесность этого существа мы объясняем его саморазъединением-пространствованием, в душевности видим его единство-воссоединение.

Однако в связи с преходящими в коре головного мозга при раздражении и торможении телесными процессами рефлексология, по-видимому, единство телесно-душевного существа разрушает. Сознание (=самосознание? а тогда - "я", душа), говорят нам, возникает тогда, когда раздражение, распространившись в корковом веществе, захватывает-объединяет некоторое количество, комплекс клеток. Их единство и есть "сознание" (самосознание), все время меняющее свою базу и содержание, потому что одни клетки затормаживаются, а другие охватываются раздражением и включаются в "базу". Никогда самосознание не обладает всем возможным своим содержанием и никогда - одним и тем же. Оно словно плывет в том, что частично становится его содержанием и остается одним лишь потому (?), что два следующих одно за другим его состояния всегда обладают некоторым общим комплексом моментов.

Поскольку речь идет о самосознании (в обычном словоупотреблении оно почти синонимично самосознанию, а иногда, как мы видели, даже сознанию) наблюдение правильно, хотя не ново, и является, собственно говоря, рефлексологизацией

давно без всякой рефлексологии отмеченного психологами факта. Когда наше "я" стремится себя познать, оно не познает себя как нечто духовное, отвлеченное, отдельное от своих конкретизаций-индивидуализаций или моментов, но всегда как многоединство этих осуществляющих его постоянно меняющихся и сменяющих друг друга моментов. Неполнота всякого содержания "я" свидетельствует о несовершенстве "я", ничуть не мешает самопознанию: оно по природе связано с раздвинутостью и прерывистостью. Но поскольку (отчасти в силу терминологической путаницы) имеется в виду сознание, приведенное нами объяснение его единства по существу не иное что, как отрицание этого единства. Образ сознания как плавающего в корковом слое и принимающего самые причудливые формы светлого пузыря явно неудовлетворителен.

Все возможное содержание самопознания не вне я, но единно с ним тем единством, которое не оплотняется в нервных центрах и не осуществляется в физическом теле. Единство же это отдельно от воссоединяющегося чрез саморазъединение живого существа, человека, не существует и непознаваемо (понятием и словом "единство" познающий отвлеченно-теоретически человек его лишь обозначает). Оно- само живое существо, сам человек во всем его развитии и завершенности развития, которая существа человека не стабилизирует (1), всякий момент существа-человека, и все его моменты, и все оно как целое, как индивидуирующее человечество и мир многоединство, чрез свою смерть становится ими, чтобы в них воскреснуть.

Абэль Я - 1952